

В. А. Зверев

«ЭТО ВСЁ С РАССКАЗОВ РОДИТЕЛЕЙ...»

ОСНОВАНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ДЕРЕВНИ В СЕМЕЙНОМ ПРЕДАНИИ
КУРИНЫХ

Опубликовано: Зверев, В. А. «Это всё с рассказов родителей...»: основание переселенческой деревни в семейном предании Куриных / В. А. Зверев // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XXI в.: сб. науч. тр. / отв. ред. В. А. Исупов. – Новосибирск : Параллель, 2009. – С. 247–258.

Переселенческое движение на окраины, в том числе в Сибирь, являлось одним из системообразующих факторов российской истории нового и новейшего времени. В Азиатской России это движение и процесс обустройства мигрантов на новых местах нашли яркое отражение в культуре и исторической памяти местных жителей – и аборигенов, и потомков переселенцев. Одной из основных форм организации исторической памяти сибиряков о переселении предков являются семейные предания и легенды. В большинстве случаев они бытуют в устной форме, но имеется и некоторый массив письменных текстов, в которых зафиксировано семейное предание. Немногие из этих текстов опубликованы, они известны историкам¹. Однако остаются актуальными задачами, во-первых, фиксирование устных рассказов, во-вторых, разыскание и приведение в известность, вовлечение в научный оборот тех записей, которые хранятся в местных и ведомственных музеях, в семейных архивах, придание им активной социокультурной роли.

В Колыванском районном краеведческом музее Новосибирской области хранится рукопись *Сергея Ивановича Курина, 1921 г. рождения*, жителя с. Сидоровки. Текст, написанный шариковой ручкой в 11-и школьных тетрадях, посвящен истории села с момента его основания (предположительно, в 1870-х гг.) до середины 1930-х гг. и той части рода Куриных, которая переселилась из Тамбовской губернии на земли Томского округа в 1895 г. Текст под названием «*История Сидоровки*» создан в несколько приемов в начале 1990-х гг., как объясняет автор, «по просьбам современных односельчан». В начальной его части содержится пересказ неоднократно слышанных автором в детстве и юности рассказов отца, Ивана Николаевича Курина (1873–1951), матери и других старших

¹ Из публикаций последнего времени см.: В Сибирь за лучшей долей: (Воспоминания А. Я. Боженко, переселившегося в 1898 г. в Алтайский окр.) // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 157–170; *Петров А. Г.* Родословная моей семьи (1822–2002 гг.) // Каинск (Куйбышев) в истории Западной Сибири. Куйбышев Новосибирской обл., 2007. С. 255–263; *Солдатченко И. Т.* Сибирские крестьяне, кузнецы и солдаты: 300-летняя семейная история в рассказах моих предков // Сибиряки: Региональное сообщество в историческом и образовательном пространстве. Новосибирск, 2009. С. 223–236.

родственников, а также деревенских «стариков, которые еще остались в живых, они тоже слышаны от своих предков». Рассказы эти посвящены обстоятельствам переселения в Сибирь и обустройства в колыванских урманах в 1870–1890-х гг. первопоселенцев Сидоровки – чувашей, мордвы и русских из различных губерний Европейской России. Много внимания уделено деятельности Ивана Егоровича Сидорова – переселенца из Чувашии, основателя и первого старосты села. Рукопись С. И. Курина любезно предоставлена нам для копирования директором Колыванского музея *Н. П. Козловой*. Несколько фрагментов из нее уже опубликовано с нашим участием².

В данном случае для публикации выбрано два отрывка из рукописи. Первый отражает содержание одной из тетрадей, где дается краткий ретроспективный обзор ранней истории села и родительской семьи на длительном ее протяжении, с экскурсами в современную эпоху. Второй фрагмент, разделенный на несколько главков, – из другой тетради, здесь речь идет о первых годах заселения Сидоровки новоселами-чувашинами, о путешествии И. Е. Сидорова в Москву за разрешением на наделение новообразованного сельского общества землей и утверждением его поселенческого статуса. При подготовке источника к печати проведена редакторская работа: исправлены орфография и пунктуация, изменена разбивка текста на абзацы, в необходимых случаях сделаны вставки или купюры (в прямых скобках) и примечания, однако сохранены все важные особенности авторского словаря и стиля изложения, близкого к разговорному.

С точки зрения специалиста-историка очевидно, что семейное предание Куриных (при наличии в нем конкретных неточностей) содержит множество достоверных и интересных сведений: а) о реальной истории миграций в Западную Сибирь второй половины XIX в.; б) о «второй реальности» – отражении в коллективной и индивидуальной памяти потомков обстоятельств грандиозной «миграционной эпопеи». Скажем в заключение, что среди той части представителей династии Куриных, которая проживает сейчас в Новосибирске, бытует представление (не подтвержденное документально) о том, что их род ведется от известного в истории крестьянина Московской губернии Герасима Курина, в Отечественную войну 1812 г. организовавшего и возглавившего партизанский отряд, действовавший в тылу наполеоновских войск.

² См.: *Зверев В. А.* «У жадного брюхо болит»: Эпизоды криминальной истории сибирской деревни (первая треть XX в.) // *Жить законом: Правовое и правоведческое пространство истории.* Новосибирск, 2003. С. 126–149; *Он же.* Два семейных предания о переселении в Алтайский окр. конца XIX в. // *Этнография Алтая и сопредельных территорий.* Барнаул, 2005. Вып. 6. С. 159–163; *Он же.* «Надо исполнять обряд...»: Предание о старинной свадьбе в Колыванском районе Новосибирской обл. // *Мельниковские чтения.* Новосибирск, 2007. С. 323–344.

[...] Когда больше думается? Тогда, когда нечего делать, и особенно в одиночку. Вот и я сейчас остался один. Старушка, жена то есть, вышла к соседям, мы с ней оба на пенсии. Живем вдвоем: были дети, конечно, но обзавелись семьями и живут сами по себе.

Сижу, глядя в окно, и вспоминаю про край своей деревни, которого сейчас нет, – голое место осталось. Кто где жил, какая постройка была. Вот взять за речкой... И речкой-то ее грех назвать – большой весенний ручей, но всё равно до половина лета без мостка не перейдешь с берега на берег. Даже названия у нее нет. Я еще мальчишкой был, спросил у отца: «Как наша речка называется?» А он мне говорит: «Землемер тут у нас был, когда землю мужикам нарезали после революции. Так она у него на карте помечена как Садошка, Садомка или Садонка...». Она впадает в вершину реки Вьюнки. А у нас ее называли Ковенкова речка, или Олонцова...

Самый главный переезд [через Вьюнку] был Олонцовский мост, через который проходила дорога по главной улице. Главной улицей она считалась потому, что на ней стояла церковь приходская. Да она была и самая длинная – три километра и 400 сажен. В конце деревни получился маленький изгиб из-за небольшого весеннего ручья, тоже впадающего во Вьюнку... В конце деревни через Вьюнку тоже был перекинут мост. Назывался он Чувашенским.

А Чувашенским назывался он потому, что от самой церкви [на расстоянии] больше километра расселились почти одни чуваша – первые основатели села. Это было после раскрепощения крестьян в России. В 1861 году, когда крестьяне получили вольную от крепостного права-барщины, поехали они обживать сибирские просторы.

Первым основателем села был Сидоров. Он основал заимку на берегу речки на высоком увале. Заимок [в окрестных местах] уже было восемь. Тут были [заимки] и колыванских богатеев, и новотырышкинских, то есть отдаленные поля, покосные угодья. На заимках они содержали скот на откорме. На заимках жили постоянные работники с семьями, которые ухаживали за скотом и сено заготавливали, но [имели] и небольшие участки посева.

В основном сеяли овес, рожь озимую. Пшеница в большинстве [случаев] не успевала вызреть: то ее морозом убьет после всходов, то прихватит недозревшую осенью. В общем, пшеницу на хлеб свою не имели, а если кто собирал урожай, так зерно было некачественное: почти одни отруби, или, проще назвать, шелуха. Ее было больше, чем муки, да и та была темная. Хлеб больше стряпали из ржаной муки. Рожь урождалась

хорошая. А пшеничный хороший хлеб стряпали из купленной муки, называлась она «сеянная». Покупали такую муку на базаре в Колывани или у тырышкинских мужиков.

Хотя и плохие [у нас] земли (потому, что междулесье не обработанное, целина), зато есть, где поработать. Просторы – не то, что в России³, где малоземелье.

Ехали люди, заселяли село. Первым приехавшим переселенцам досталось высокое место, близко к речке. Речка хотя и небольшая, но речная поливная вода для огородов вольная. Огороды примыкали задами прямо к речке. Первую улицу начали строить прямую, как будто по шнуру отбивали планировку... Но не всем довелось строиться близко к речке. Речка ведь не везде одинаково держит свои твердые берега. Пришлось строиться не всем близко. Всего один километр, потом речка удаляется от деревни или деревня от речки, потому что пошли трясина и лес, да и планировку не хотели нарушать, портить красоту улицы.

Главным организатором постройки деревни был Сидоров Иван. Сходкой общины его выбрали ходоком – хлопотать о построении деревни в волости, в волостном управлении в Криводановке. [...] В Криводановке ему дали направление идти в Москву, чтобы получить разрешение на застройку переселенческого села.

Так ведь и ходили мужики. Ни как-нибудь, а пешком топали четыре тысячи километров. Железной дороги еще не было. Трое их ходили... Целый год ходили. Нанимать извозчиков средств не хватало, питались подаванием. Кто-нибудь да покормит: в то время прохожих много было. Кто кусок хлеба даст, кто булку или калач, кто кусок сала, луку пучок или кринку молока. Расспросят: куда путь держат, зачем. Расскажут – глядишь, кто и пожалеет, на передышку оставят на день и на два. А от расспросов удержу нет. Всем хотелось узнать сибирскую жизнь, про народности, проживающие в Сибири, какой там климат...

Сижу перед окном за столом и поглядываю в него, и что же вы думаете, я вижу? Картины детства своего, что остались у меня в памяти. Свой край деревни, где я родился и рос помаленьку в крестьянской семье.

Семья наша была [в 1920-х годах], если всех посчитать, – одна сестра и пять братьев, дед с бабкой и отец с матерью. Родители мои жили не богато и не бедно. Хлеб у нас не переводился и деньги тоже. Отец работал на государственном маслосырзаводе мастером. Дед со старшими братьями занимались полеводством, что и положено крестьянину делать. Это уже когда я родился, после революции, когда отец вернулся из плена. А до первой германской [войны] он 15 лет проработал у купца Фирстова, где и обучился этому

³ *Россией* («Расеей») сибиряки-старожилы обычно называли европейскую часть Российской империи.

ремеслу. Жил Фирстов то время в Коноваловке на речке Баксе⁴. Потом Фирстов с семьей купили себе дом в Колывани, а отец у него в имении оставался как приказчик и маслодел, пока не забрали его на германскую войну.

При заселении нашей деревни деду достался надел земли для постройки жилья в самом конце центральной улицы. Центральной она считалась потому, что была первой в застройке. И церковь на этой улице была построена, и приходская церковная школа. Длинной деревня была, то есть первая улица, три с половиной версты, да вторая такая же улица, да задняя была в один порядок – малость покороче, да четвертая – дворов двадцать. В общей сложности 580 домохозяев. Уже стало [поселение официально называться] село Сидоровка. До 1930-х годов оно расстраивалось...

Постройки домов были разные. Большинство были однокомнатные избы. Из местного лесу – березы, осины. Когда началась строиться Сидоровка, прямо в лесу расчищали мужики себе плантацию под усадьбу, а лес шел на постройку жилья и амбаров для хранения хлеба своего урожая. [...] За лесом или за порядком вырубки следили лесники из Колывани. Дальше отведенного тебе участка не лезь, за это строго наказывали. Урядник может плетью отстегать... при народе, чтобы другому неповадно было. Как ни трудно было, как ни тяжело, а жить-то надо. Как говорится, из кожи лезли, в долги залазили, а строились. Были и богатенькие мужички в старых селах – в Южино, Тырышкино, Колывани. По году, а то и больше отработывали им за долги.

Когда наша Сидоровка начала строиться, точно сейчас никто не знает. Мне отец рассказывал, что когда они приехали из России... [уже прошло] лет 20, как Сидоровка начала строиться. А они приехали в 1895 году. Уже в Сидоровке появились свои богатеи. Некоторые уже имели свои лавочки, торговали всем необходимым для населения – солью, спичками, керосином и даже мануфактурой. Это были Олонцовы-Андреевы, имели лавочки Якунин, Сурков. Я, конечно, не знаю, это мне отец рассказывал.

Мне вот помнится, что сурковский дом был с крылечком на улицу. Олонцовскую лавочку не помню, якунинскую тоже. Конечно, я этого мог и не помнить – я еще был маленький, это все с рассказов родителей. Пока я подрастал, отец любил рассказывать прошлую историю своей жизни.

Частенько и мать поминала, как перед войной⁵ Якунин навязывал товары в долг, или, как сейчас называется, в рассрочку. Уговаривал: «Берите, бабы, ситец. Запасайтесь солью – скоро не будет». А мы думали – он нарочно: никто не берет, вот он и навязывает. Врет

⁴ В другом месте своего сочинения С. И. Курин по-иному определяет местоположение маслодельческого заводика С. Ф. Фирстова – в д. Орловке на р. Баксе. Возможно, Коноваловка – другое название Орловки.

⁵ *Война (германская, или первая германская, по народной терминологии) – Первая мировая война 1914–1918 гг.*

он все. А как началась война, всё прекратилось. Стали просить да молить, да все без толку. Пойдешь, было, [попросишь] хоть с фунт соли... «Нету. Когда была, надо было брать, а то вы не верили». Война не кончилась – революция; тут Колчак пошел. Колчак прошел – засуха. Вот где мурцовки приняли. Сколько поминали Якунина, что не верили ему.

Когда эта вся крутеверть получилась, мне еще году не было. Я родился, когда отец из плена вернулся. Я родился, как мать рассказывала... в 1921 году осенью. После пережитых тяжелых, мучительных годов, всякой нечестивой заварухи... германской и гражданской войн. После вспышки Колыванского кулацкого восстания⁶, да еще неурожайного голодного года.

При восстановлении народно-экономической политики⁷ некоторые мужики воспрянули духом. Стало село обновляться, стали строить новые дома – большинство [завело] пятистенники, крестовые, то есть в четыре комнаты. У кого на что сил хватало. Жили-то ведь по-разному. Были мужики зажиточные – кому как суждено, ну, или кто похитрее.

Вот это, пожалуй, лучше подходит к разговору. Оно ведь и пословица пошла от этого: «Если не прихватишь чужого лишка, не наживешь денег мешка». Были люди и вороватые: если ему что поглянулось чужое, то у него будет болеть живот до тех пор, покуда оно каким-либо путем не перейдет к нему в собственность. Купит ли, выменяет ли, а то и украдет, если есть возможность. [...] Жили, кто как умел. Были у нас на селе конокрады, и по квартирам лазили ночью. И другой скот воровали, и амбары грабили.

Вот передо мной сейчас открытая панорама пустого поля, заросшего бурьяном, да возвышаются три бугра, копаные и натасканные бульдозером. Это сняли верхний слой земли, чтобы достать глину для постройки. А на этом месте ведь жили люди, и долго жили. Хорошие ведь дома были: два дома были под железной крышей. А сейчас пустырь. Да разве два дома, их было много – и хорошие пятистенники; большинство тесом крытые были, а какие под дерном земляным или соломой – больше полусотни. [...]

Смотришь и вспоминаешь, кто как жил, у кого какой дом был, какая надворная постройка. Вон Олонцовы жили – дом стоял прямо у самого моста на бугре. Карнизы были резные узорчатые, наличины на окнах резными кудрями разделанные. Под окном черемуха, рябина росли, палисадник был тыном огорожен или частоколом. Рядом стоял

⁶ *Колыванское кулацкое восстание* – крестьянское выступление, антикоммунистическое по характеру, охватившее территорию современных Колыванского, Коченевского и Мошковского районов Новосибирской обл. в июле 1920 г.

⁷ *Народно-экономическая политика* – так автор говорит о нэпе (новой экономической политике), неправильно расшифровывая эту аббревиатуру, но фиксируя позитивную роль этой политики для «единоличного» крестьянского хозяйства.

второй дом Олонцовых – под тесом, старый. Сам старик жил в нем с младшим сыном. А по другую сторону моста их амбар стоял с навесом, под навесом диковинная машина стояла, единственная на всем селе. Это сноповязалка, – вроде как напоказ. Мы, мальчишки, бегали ее смотреть. Все было в диковину – машин-то почти не было. Жатки-самосборки были кое у кого, и то только, может, с десятков, да косилок десятка полтора. Эти машины были конные.

Дорогой мой читатель, эту технику только мы помним, а вы и представления не имеете о такой технике. Только мы, старики, помним единоличную крестьянскую жизнь.
[...]

2

[...]

Начало Сидоровского поселка.

Зима еще не прошла – это шестая, как поселился [на своей заимке] Иван Егорович. Приехали восемь человек гостей к Ивану на четырех подводах. С топорами, с пилами – готовить лес себе на постройку домов. Переночевали, а утром после завтрака, конечно, повел их Иван лес показывать – где валить. Зазвенели пилы, застучали топоры, закрипели березы, падая, раздувая снег по сторонам. Заухали осины, утопая в снегу. Целых две недели трудились лесорубы в сторону Колывани от поместья Сидорова, пока ни повалили на восемь домишек лесу, да развезли, по штабелям разложили, кто где место себе облюбовал. Дело пошло на захват, а то будет поздно – еще обещались приехать дворов пять новоселов строиться.

Только этих восьмерых проводили, не прошло и трех дней, как еще пятеро приехали готовить лес. А почему, вы спросите, не все сразу? Милые, это ведь не лето, а зима еще, всех не может принять на квартиру Иван Егорович – поместить негде. Своя семья – уже пятеро. Вот и ехали небольшими партиями. Да не все жили в одном селе... Кто в работниках жил, кто у кого-нибудь на квартире временно по окрестным деревням. Так как старожилы-сибиряки на подселение не принимали. В работники – пожалуйста, нанимайся хоть временно, хоть постоянно, то есть на год или два, и жилье отведут где-нибудь в старой избенке или в скотской избушке. Вычисти навоз да живи с семьей.

Вот поэтому и кинулись чуваша к Ивану Егоровичу, когда узнали от своих односельчан, что есть место для поселения, и лес можно брать на постройку. Вот и пришлось Ивану чуть ни всю зиму канителиться с гостями. Никуда не денешься, надо выручать людей, при том большинство – сродственники да соседи бывшие.

Это что, это еще, как говорится, цветики, а ягодки-то впереди. Трудней момент настанет. Заварил кашу – до конца придется варить, да доедать в котелке до самого дна. Пришлось и планировкой заниматься: кому где селиться, порядки нужно наводить, все чтобы было, как в сибирских селах. Особенно когда ставится хибарка или дом, чтобы улица ровная получилась. Как архитектор планировал – кому где строиться. Но это еще впереди.

А сейчас – заготовка леса, да срубы рубить нужно. Нужно взять в земуправе⁸ разрешение и на порубку леса, и на начало заселения. Забота опять Ивана Егорыча. Он начинщик, да и мастак говорить. Грамотенка мало-мальская была – читать да писать мог.

С челобитной нужно в Колыванскую земуправу ехать. Как он упрасивал [служащих управы], никто не знает. Привез он на начало заселения и порубку леса разрешение, бесплатное притом... для переселенцев из России, но под его ответственность – следить за порядком. Ведение учета поселенцев тоже было ему поручено. Назначили его старостой временно. Домой вернулся он радостным, что разрешили заселение возле его заимки.

Только во двор заехал вечером поздно, а его уже ждут. Вышли встречать, и коня не дали самому отпрячь. В дом повели чуть не под ручки. Старшой ихний только сказал по-своему, то есть по-чувашски, чтобы выпрягли коня и на кормежку поставили. А в дому уже ужин на столе собран – ждет хозяина. Никто не садился, только Марфа до его приезда детей накормила да спать уложила. Разделся хозяин, сел за стол и гостей пригласил за стол, коли уж ждали хозяина, не ужинали. На столе и первачок в четвертнике⁹ стоял, привезенный будущими новоселами для укрепления потерянных сил, за день утраченных. [...]

Утром, как ни трудно вставать, но надо. Не на курорт приехали, а работать, для себя жизнь устраивать. Зима к концу идет, а то еще обещались приехать – следующая партия людей. [...]

Второй год Сидоровки.

До разрешения земуправы нельзя было уже и лес валить... и лесники стали навещать поселок.

⁸ *Земуправа* (земельная управа) – здесь и далее таким образом автор называет властные инстанции, решавшие вопрос об устройстве переселенческого общества и отводе ему земельного надела, а также определенного количества деревьев под вырубку. Реально во второй половине XIX в. такими вопросами в Западной Сибири занимались волостные правления, губернские по крестьянским делам присутствия, казенные палаты, губернаторы, Алтайское горное правление, в качестве же высших инстанций выступали Кабинет его императорского величества, Министерство земледелия и государственных имуществ.

⁹ *Четвертник* (четвертина) – посудина объемом в четверть ведра.

Съездил Иван Егорович в земуправу, дали разрешение на целую сотню домохозяев, но только при таких условиях, чтобы съездил в Москву за утверждением нового поселения с названием поселка или деревни в течение года. Вернулся домой Иван Егорович с новостью к своим поселенцам. Рассказал, что ему поручили хлопотать за заселение жителями в большом количестве домохозяев в одном месте... С избранием старосты и сельской управы. Но это у них уже есть, выбрано сходом. Теперь нужно подумать, на какие средства до Москвы добраться и обратно.

Ну, а лес-то опять застонал, как и в прошлый год, от пил и топоров. Только уже дальше стал отступать, подвозить-то потруднее стало, но все равно работа кипела. [...] За зиму заготовили лес многие, да и уже и срубы рубить начали, хотя и больше платили в зимнее время. Так что к походу в Москву набралось заявок больше, чем на полсотни дворов.

Сходом решили название деревне дать по первому поселенцу и первому старосте: Сидоровка Колыванского уезда Томской области¹⁰. Нужно, как говорится, сухари сушить да в путь готовиться. Ну, а сходом решили собрать паевые [взносы] с поселенцев – определенную сумму. Да оставить заместителя старосты, который также должен следить за порядком построения улицы, чтобы, боже упаси, не нарушили плана, намеченного управой села. Было решено: [минуя каждые] пять домохозяев по отведенной площади усадьбы, оставляется переулок для выезда с улицы и выгона скота за огороды для пастьбы в летнее время. Этот закон строго соблюдался сельской управой и сходом сельчан. [...]

Любили порядок сидоровские начинатели несравненно с другими окрестными деревнями. Не было, наверное, в Новотырышке да Южино¹¹ таких хозяев застройки поселения. Каждый строился по своему усмотрению и желанию. Ни улиц прямых, ни порядку. Особенно в Южино, заселенном поперек господствующих ветров. Летом еще можно проехать на коне, а что зимой, особенно если она снежная – рядом живущего хозяина не увидишь... Я имею в виду дворы: их так заносило снегом – целые Карпатские горы получались. [...] Другой раз ураганы бывают дня два, а то и неделю длятся. Вот и ждут, когда кончится буря, и потом начинают пробивать дорогу на конях через заносы снежные. А к весне натопчут снег и ездят, как по Карпатским горам. Мучают коней всю зиму. Не то, что у нас в Сидоровке: всю зиму по улицам нет снежных заносов. А вот переулки-то, это да, мучение бывает. Особенно узкие переулки. Изгородь весь снег

¹⁰ На самом деле новообразованная деревня располагалась на территории Томского окр. одноименной губернии. Колыванского уезда и Томской обл. во второй половине XIX в. не существовало.

¹¹ *Новотырышка* (Новотырышкино) и *Южино* – соседние населенные пункты в современном Колыванском районе Новосибирской обл., образованные сибиряками-старожилами гораздо раньше переселенческой Сидоровки.

задерживает. Тоже бедняги кони выручали. Как буран, так горе лошадям, да и хозяевам не сладко, а ездить надо... Магазины-то и церковь на первой улице были. [...]

Поход в Москву.

Получив в земуправе Колыванской сопроводительное удостоверение с паспортом, да еще прошение на организацию села с разрешением земуправы на утверждение центром России, Иван Егорович Сидоров стал собираться в путь-дорогу, пока она не рухнула от весенней оттепели. Считай, до Барабинска прямым Московским трактом [нужно было идти] пешком. Коням и дома весной работы хватит. Денежными средствами немного новоселы снабдили. Так было решено сходом новоселов. Не по своим делам отправляется человек в такой далекий путь, за всех хлопоты нужны.

До Крутых довели свои сельчане назначенные. Две подводы – те продукты, что собрали кое какие на первое время. Ну, а дальше Крутых (так называли Крутологово по старинке) – на перекладных да пешочком. После того, как кончились взятые из дому продукты, попрошайничеством пришлось заниматься, то есть милостину просить – кто чего подаст прохожему человеку. [...]

Есть-то все хотят, жить-то охота, вот так и Иван Егорович пробирался до Москвы с подаванием на пропитание. Пройдет по населенному пункту, наберет дня на два продуктов, и дальше шагает. От села до села, от поселка до поселка, а где и подъедет на попутной, если кто смилуется при разговоре на постоялом [дворе]: куда идешь, да зачем держишь путь в Москву. Бывало, и на почтовых [повозках] подвозили, если посочувствует почтмейстер при предъявлении сопроводительного удостоверения. Но сдерживал его от почтовиков в большинстве [случаев] набор продуктов¹².

Долго ли, коротко ли ему показалось, но к середине лета добрался до Московской земуправы. Уладил дело с документами. Взял утвердительную на построение россиян в Сибири, да и с названием селения Сидоровки. Да ему еще дали [право на льготы в] обратный путь, только на почтовых, без оплаты на проезд с попутной почтой. За питание и ночлег не взымали с одного представителя плату. И обеспечивали теплой одежей в холодное время по предъявлением сего документа.

Это ведь сейчас на пассажирском поезде до Москвы четверо суток. На конях, хотя и на почтовых, он добирался четыре месяца. Прибыл к Рождеству Христову, то есть к 25 декабря по старому стилю. От Крутых Логов пришлось нанять подводу до дому.

¹² Сдерживал... набор продуктов – И. Е. Сидоров не мог постоянно ехать в почтовой повозке, так как ему приходилось собирать пропитание, обходя дворы в придорожных селениях.

Когда стал подъезжать к своему поселку, диву дался. Не узнает, как говорится, насиженного гнезда, то есть заселения поселка Сидоровка. Когда он отправился в путь, строились по направлению к востоку, то есть в сторону Южино. А тут, нате, – в сторону Шукиной заимки заселились, до взгорка между двумя весенними ручьями, без малого до Морозовой заимки. [...]

В поселке целый переполох получился, народ посыпал со всех домов и избенок к нему навстречу. Марфа передом, а вслед за ней и почти все поселчане с распростертыми вперед руками. И в поселок не допустили въехать спокойно. Жена в слезах кинулась в объятья: живой вернулся, слава тебе, господи. От рыданий радостных успокоиться не может, от долгой разлуки. Наперебой все лезут обнимать да целовать. Больше получаса лобызались, пока заместитель его, Закамский, не растолкал встречающих: «Разойдись, мужики и бабы, дайте человеку домой-то доехать, он и так за нас намучился. А там дети ждут отца больше всего». Вот так встретили новоселы своего благодетеля. Но это не все, основная встреча впереди.

Возвращение из Москвы.

Добрался до своего дома. Ворота были уже открыты. В воротах стоял заместитель его, то есть временно исполняющий обязанности старосты Закамский Ефим. По русскому обычаю, то есть по крестьянскому, – без головного убора, с хлебом и солью на полотенце через обе ладони рук. «Добро пожаловать, Иван Егорович, в родной дом, который в ваше отсутствие в полной сохранности жив и невредим. Так же и ваша семья в полном здравии и хозяйство в сохранности. Милости просим в дом, великий путешественник, многоуважаемый наш хозяин и добродетель нашей просьбы». Так вот и встретили поселенцы будущего большого села своего первого хозяина и ходатая. Ввели его в дом под руки – с одной стороны жена, встретившая еще за поселком, а с другой стороны Ефим, передавший каравай с полотенцем подручному, чтобы вперед их занес в дом и поставил на стол.

Первым делом обнял старика отца, ожидавшего у порога, – расцеловались со слезами на глазах от радости. Да с сынками поцеловался и одарил гостинцами, купленными специально для них аж в самой Москве. Хранил их всю дорогу, как зеницу ока, для своих родных чад. Подарками и жена с отцом не обойдены были, и для них столичные подарки захватил и сохранил, хотя и нелегкий путь достался. [...]

В то время был такой порядок. Приглашенные гости угощались в горнице, то есть как сейчас в комнате. А раньше деревенский дом, если двухкомнатный, – назывался пятистенник. Первая комната называлась изба, а вторая – горница. Так вот, гости сидели в

горнице, а глазуны (от слова глазеть) – без дела. Это было так заведено: где бы у кого какая гулянка ни завелась, не одни гости собираются в этот дом. А посторонних зрителей собиралось еще больше. Не за тем идут туда, чтобы выпить или угоститься, – только посмотреть, как гости гуляют. Набивается в прихожей посторонних столько, что можно с трудом выбраться из толпы. Другому не приходится и посмотреть на гостей в такой толпе, но все равно стоит, кряхтит да стоит до тех пор, пока хозяин попросит выйти, а то гостям пройти по нужде нельзя. Даже с улицы в окна заглядывали, весь палисад займут. А если у кого свадьба, то дней пять народ покоя не видел. От пацанов и, считай, до стариков все посещали свадебные дома. [...] Охота знать, как проходит гулянка. Да оно и понятно: вся развлекательная наглядность – гулянка. Кроме то нее в деревне ничего не увидишь развлекательного. [...]

Когда дед Егор обнес всех сидящих за столом бокалом, Иван Егорович стал спрашивать заместителя своего, как прожили без него без малого год: «Как урожай у новоселов? Как построились, какие были трудности? Я вот вижу, построилось больше, чем было при мне». Разговоров было много, рассказали ему, какие трудности были и радости у новоселов. В общем, рассказали всё: кто что себе купил, выменял. Кто какое хозяйство развел. Лесник поселился здесь, теперь будет свой блюститель порядка. Морозов мельницу поставил ветрянную. На Вьюнке еще один мельник построился – Дрёмин, в полутора верстах от поселка, мельница водяная.

Вечер прошел в расспросах и ответах. С тем и разошлись по своим домам поселенцы. [...]